

*Светлане Викторовне Давыдовой —
другу, жене, любимой*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русские писатели против русской культуры. <i>Предисловие автора</i>	12
---	----

Часть I ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА: ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ, ГОГОЛЬ

ГЛАВА I. ПУШКИН И СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ	20
--	----

1. Логика середины в поэтике Пушкина	21
Антиномии, внутренние противоречия, оппозиции, «сфера между»	22
Оппозиция «смертность — бессмертие»	25
Оппозиция «истина — обман»	27
Оппозиция «смысл — бессмысленность жизни»	27
Оппозиция «счастье — несчастье»	28
Поиск личности	29
Поиск середины	30
Способность к диалогу и синтезу	32
Смерть как мера медиации	34
Некоторые обобщения	36
2. Пушкинская середина как социальный процесс	37
«Кавказский пленник»	39
Пленник — символ циклического застревания русской культуры	39
Черкешенка — символ развития, противостоящего цикличности	45
«Каменный гость»	51
Любовь как слияние с «несвободой»	53
Любовь как слияние со «свободой»	54
«Свобода» и «несвобода» как иллюзия снятия социокультурного противоречия	55
Цель любви — любовь	56
Любовь как поиск середины	56
Смерть как мера любви	59
Середина как новое качество культуры	62
Некоторые обобщения	64
«Пир во время чумы»	65
Жизнь — пир во время чумы. Поиск личности	67
Пир — символ как будто бессмертия	68
Пир и страх перед смертью	69
Пир и мораль	70

Пир и церковь	72
Как рождается личность? Вопрос и ответ Пушкина.....	73
Поиск личности продолжается	76
«Борис Годунов».....	77
Введение в ценностный мир пушкинской пьесы.....	77
Тень трона и «мрак подданных». Критика авторитарности	82
«Привычка — душа держав». Традиционализм авторитарности как культурная катастрофа	85
Жалок ли тот, в ком совесть не чиста?	91
Критика соборности. Образ народа и идея социальной патологии	96
Отверженный княжич. Юность Отрепьева.....	102
Два образа Григория Отрепьева	109
«Буду царем на Москве». Отрепьев как Лжедмитрий	111
Самозванство и самозванчество	116
«Теперь гляжу я равнодушно на трон... на царственную власть». Григорий Отрепьев как Самозванец	118
Тиран и диссидент на страницах пушкинской пьесы.....	126
«Беспечен он как глупое дитя». Юродствующий Самозванец.....	132
Под колпаком юродивого. Пушкин как Самозванец	136
Пушкин или Мусоргский?.....	140
Надо продолжить диалог с Пушкиным	145
3. Опыт социокультурного обобщения историософии Пушкина.....	146
4. Новозаветно-гуманистическое мышление.....	148
Пушкин и Бог	148
Философия художественного творчества и Пушкин	153
5. Место Пушкина в истории русской мысли.....	161
Пушкин — Достоевский, Пушкин — Чехов.....	162
Пушкинский принцип снятия противоположности смыслов	169
Пушкинская альтернатива в культуре России	170

ГЛАВА II. ПОВЕРИТЬ ЛЕРМОНТОВУ. ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ В РОССИИ

176

1. Русский человек эпохи модернизации — образ социальной патологии. («Герой нашего времени»).....	176
«Болезнь Печорина». Исповедь «нравственного калеки».....	178
Неспособность любить	181
Между эмоцией и рефлексией.....	184
Раскол с Другим	187
Равнодушие к жизни	190
Зависть и месть.....	192
Интриганство	192

Комплекс неполноценности	194
Самообман.....	195
Смысл патологии личности.....	200
Возможна ли личность в России?.....	203
2. Поиск альтернативы социальной патологии	207
Заснувшая личность и застрявшее общество («Поэт» — «Отделкой золотой блистает мой кинжал...»).....	207
Оппозиция «славословие — бунт»	207
Заснувшая личность.....	210
Застрявшее общество	211
Новое слово заснуло. «Проснешься ль ты...»	212
Распятое творчество и ворующая патология. («Смерть Поэта»).....	214
Общество, убивающее гениев: типология критики.....	215
Мужество творчества и вороватость патологии	219
Пророческий смысл финала стихотворения.....	222
Личность и общество: патология раскола («Пророк»).....	223
Логика раскола в культуре России.....	223
Альтернатива расколу.....	226
«Иисусов подвиг» Пророка.....	228
Теодицея или антроподицея?.....	229
Застрявшая культура. Патология народа («Дума»).....	233
Умирающая культура	234
Это мы, русские	236
3. Идея Демона как альтернативы социальной патологии	239
Демониада.....	239
Протест против церкви.....	244
Протест против потустороннего и равнодушного Бога.....	247
«Между живыми как мертвые!» — Господство потусторонности в культуре ведет к деградации личности.....	249
Спасение души в раю или поиск истины на земле? Проблема выбора.....	251
Где же истина? В служении вечному добру? — Нет!.....	252
Истина — в служении злу? — Нет!.....	256
Истина — в сфере между добром и злом? — Нет!.....	257
Истина — в слиянии с природой? — Нет!.....	261
Истина — в поиске справедливости? — Нет!.....	263
Истина — в способности к поэзии	265
Истина — в способности быть личностью.....	266
Нет истины там, где нет любви	268
Вначале была любовь	271
Спасение души или любовь?.....	275
Поиск нового основания культуры.....	280
Способность любить и быть личностью как мера сущности. Смысл середины	284

Способность быть альтернативным («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»	288
Способность к диалогу как синтез небесного и земного («Выхожу один я на дорогу...»)	290
4. «Личность» и «социальная патология» в русской литературе: опыт методологических сопоставлений.....	291
Лермонтов — Пушкин	293
Лермонтов — Гоголь	300
Лермонтов — Гончаров.....	303
Лермонтов — Тургенев.....	310
Лермонтов — Л. Толстой	316
Лермонтов — Достоевский	323
Лермонтов — Чехов.....	332
Лермонтов — Булгаков.....	341
ГЛАВА III. ДУША ГОГОЛЯ. ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА	353
1. Между архаикой и модерном. Провалы и достижения методологии Гоголя	353
Архаика Гоголя.....	354
Модерн Гоголя	356
В чем смысл методологического опыта Гоголя?	359
2. Писатель или проповедник? Раскол в душе Гоголя — центральная проблема анализа его творчества	361
Между «к Пушкину» и «от Пушкина».....	361
Между потусторонностью и посюсторонностью	362
3. Народная идиллия — патриархально-лирический мир души Гоголя	366
Притяжение земли. «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Вий»	369
Архетип соседской общины. Родоплеменное братство	369
Архетип земли. Между потусторонним и посюсторонним мирами	372
Начало кризиса. Некоторые оценки	375
Пир варваров. «Тарас Бульба»	378
Основания анализа	379
Архетип соседской общины. Запорожская Сечь как родоплеменное братство.....	382
Апологетика «нашизма»	383
Против «чужих»	387
«Лучше б и не было того пира». Некоторые выводы	391
Умирающая идиллия. «Старосветские помещики». «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»	392
«Ни одно желание не перелетает за частокол»	393
Катастрофа	394
Переход Гоголя на новый уровень анализа	396

4. Не верьте городу, «он лжет... все в нем враг, искуситель и предатель»	398
«Милостивый государь... Ведь вы мой собственный нос. — Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе». «Нос»	401
Город как мировое зло. «Портрет»	402
Вырождение человеческого и опошление искусства	403
«Чудовище невежества»	404
«Маленький человек» в большом городе. «Записки сумасшедшего»	405
Зависть	406
Комплекс неполноценности	407
Психология раба	408
Страх	409
«Маленький человек» как личность	409
Тоска по утерянному раю	411
Кризис «маленького человека». «Шинель»	412
Человек бедный	413
Человек униженный	414
Человек увлеченный, но интеллектуально неразвитый	415
Человек трудолюбивый, но не творческий	416
В стороне от общества	417
Рабская душа	418
Человек с инверсионным мышлением	418
От анализа сущего к проповеди должного.	
Логика перехода. «Невский проспект»	420
Что же дальше?	426
5. Кризис	428
Гоголевская технология борьбы с пороками людей	428
Душа художника как предмет анализа. Основание кризиса	430
1847 год. Начало кризиса	431
Логика кризиса	433
Динамика кризиса. Между «я — гниющий труп» и поиском смысла личности	434
6. Гоголь как реформатор нравственных ценностей русской культуры. Дух реформации	435
Человек «ни то, ни се» и основной вопрос русской культуры	437
Человек «ни то, ни се»	437
Основной вопрос русской культуры	438
Как оценивать религиозные взгляды Гоголя?	439
Критика народного православия	441
Выход за рамки сложившегося представления о божественном	444
Бог — это «сердце человека» на «общечеловеческом поприще»	445
Иисус-учитель	446
Иисус-любовь	451
Защита права индивидуального пути к Богу. Идея диссидентского права	453

Проблемы демократизации церкви и религии.....	454
«Мы должны быть церковью наша»	454
«Как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же»	456
Как спасти душу?	457
Проблема критики церковности Гоголя	458
Рационализация образа жизни	459
Утилитарный нравственный идеал	460
Рационализация управления домашним хозяйством	462
Рационализация подхода к помощи бедным. Вестернизация морали	464
Логика середины в интерпретации деловой активности человека	465
Иисус — в природных способностях и высшем профессионализме	465
Бог — самозванец	467
Дух протестантизма в предпринимательской деятельности	469
Поиск середины как способ анализа реальности и социально-нравственный принцип	474
Гоголевская середина как патриархальность	474
Середина как противостояние крайностям и односторонности.....	475
Догадка о середине-синтезе в оценках поэзии А. Пушкина.....	477
Середина как попытка примирить Бога и человека на основании смысла Бога	481
Между «Выбранными местами из переписки с друзьями» и «Размышлениями о божественной литургии»	485
7. Трагедия Гоголя — трагедия России	488

Часть II

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ: ВИКТОР ПЕЛЕВИН, ВЛАДИМИР МАКАНИН, ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

ГЛАВА IV. ЛЕРМОНТОВСКИЙ РЕНЕССАНС В АНАЛИЗЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ ВИКТОРА ЕРОФЕЕВА «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ДУШИ»	495
1. Введение в анализ романа «Энциклопедия русской души»	495
2. Представление «Энциклопедии»	498
3. «Почему я не бегу из этой насквозь лживой страны?»	501
4. «Энциклопедия» и Бог	506
5. Застрававшая культура	518
6. Кто виноват?	522
7. «Убить Серого».....	529

8. Значение «Энциклопедии».....	541
9. Лермонтовский Ренессанс в русской литературе	546

ГЛАВА V. МЕЖДУ МИСТИКОЙ И RATIO. ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ТИПА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА.....	549
---	-----

1. Введение в способ мышления Пелевина.....	551
Акакий или Демон: как жить дальше?	551
Русская культура: что надо менять и зачем?	553
Пелевинская мысль на перепутье	555
2. Освобождение русского человека от русского человека. Неполитический либерализм Пелевина	558
Освобождение от архаики русской культуры	558
Освобождение от православного Бога	559
Освобождение от российского общества.....	563
3. Бегство от жизни. Куда?	566
Русский человек как навозопроизводитель и навозошаротолкатель. «Молчи, сынок, молчи!»	566
Но что же дальше?.....	570
Русский человек: бегство из русской культуры... в русскую культуру	572
А далее я буду возражать Пелевину	574
4. Погружение в мистику. Пелевин и Владыка, в присутствии которого законы молчат	575
Мир не может выявлять всеобщую сущность.....	576
Сила и воля вместо рефлексии?	578
«Китеж духа» вместо рефлексии?	580
Роль субъективности в формировании смыслов огромна, но не абсолютна	581
Бог не пустота.....	584
Лермонтовский вызов XXI века и Пелевин.....	585
5. Пелевин и реформа русского сознания. Логика формирования культуры личности.....	587
Поиск ключа к формированию культуры нового типа	587
Пелевин — певец великой традиции	590
Поэзия, святящаяся свободой.....	590
Способность выйти за пределы себя традиционного	591
Способность любить — путь к способности быть личностью	593
«Любовь... срывает маски». Предчувствие неоклассики.....	595
Лермонтов — Булгаков — Пелевин	596
6. Между мистикой и ratio. Значение творчества Виктора Пелевина	599

ГЛАВА VI. РАСКОЛ В КУЛЬТУРЕ... И СЛАБЫЙ ЛУЧ НАДЕЖДЫ. ОТВЕЧАЯ
НА ВОПРОС ВЛАДИМИРА МАКАНИНА.....604

1. Россия перед угрозой распада. Чего хочет Маканин?	604
2. Раскол в русской культуре. Введение в проблему	606
3. Концепция романа «Лаз»	609
«Безвременье»	609
Оппозиция как эмиграция	610
4. Народ, толпа и личность. Есть ли личность в России?	611
Толпа и личность	611
Парадоксы Маканина	613
Приговор Чехова и Маканина	615
5. Раскол и челнок разума. Лаз между смыслами личности и толпы	615
Что же дальше?	615
И еще один итог моих размышлений	616
Лаз Маканина	618
Программа Маканина	619
6. Как обмануть себя и народ?	619
Плутание в темноте	620
Шабаш на Лысой горе	621
7. Искать ресурсы личности, растворенные в толпе. Но как?	623
«Вопрос Маканина»	623
Луч надежды безнадежно гаснет	626
8. Способна ли русская мысль поставить вопрос о расколе?	627
Защищать ценности личности	629
Мужество интеллигенции	630
Головой вниз	631
«Сон застревания»	633
9. Отвечая на «вопрос Маканина»: надо изменить способ анализа культуры	634
Теория преддиалога	635
Практика преддиалога. Вино Рэя Бредбери	636
Психология преддиалога. Искусство как откровение Иоанна	638
«Свинорылая гениальность». Новаторство «Лазы»	639
10. «Еще не ночь, хотя уже сумерки»	642
Раскол в культуре... ..	642
...И слабый луч надежды	643

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ПРОТИВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«Какие бы взгляды вы ни исповедовали и какими бы путями вы ни пришли в литературу, она ввергает вас в битву; писать — это значит определенным образом желать свободы».

*Жан-Поль Сартр*¹

Эта книга — о смысле личности в русской культуре. И об архаичных соборно-авторитарных основаниях этой культуры, которые противостоят личности. Она — о расколе между культурной статикой и социальной динамикой, между свободой и несвободой. О мышлении писателей, анализирующих логику этого раскола. О том, как образ личности и идея свободы впервые появились в России на страницах художественных произведений. И как этот образ и эта идея представлены в нашей литературе сегодня. Можно сказать, что русский писатель, ангажированный идеей личности, предстает в моей книге как коллективный аналитик русской культуры, как своего рода совокупный российский Библией, протестующий против архаики в себе, «определенным образом желающий свободы» и анализирующий свой путь к ней.

Начался этот грандиозный самоанализ в XVIII веке в баснях Крылова и комедиях Фонвизина. Но смысл личности как идея, поднятая до уровня альтернативного основания русской культуры, впервые появился в текстах Пушкина и Лермонтова. Личность была осмыслена через способность выйти за рамки традиции (архаики) и поиск адекватной меры выхода. Эта идея нашла продолжение в творчестве Гоголя, Гончарова, Тургенева, Чехова. В XX столетии она заявила о себе в произведениях Булгакова, Пастернака, Шолохова. Среди ныне действующих писателей я мог бы назвать многих.

Смысл личности в ее пушкинско-лермонтовской интерпретации удерживается в России в XIX—XXI веках на волне циклически нарастающего в обществе мнения, что вековые самодержавно-православные стереотипы, которые всегда казались прочным основанием русской культуры, все более себя изживают. Что добро даже в самом его приличном, честном и благородном виде сложилось на российской земле таким образом, что порождает ложь, обман и преступления. И что исправить положение можно только изменением самого типа русской культуры. А для этого, в свою очередь, нужен поиск личности как протестного начала и нового основания русскости.

¹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? СПб. : Алетейя, 2000. С. 64.

Протестная личность с позиции русской культурной архаики выглядит как нечто «не наше», «чужое». Как зло, достойное анафемы. Но в интерпретации русских писателей именно такая личность задает масштаб для критики российского исторического опыта, становится фактором борьбы против засилья в культуре исторически сложившихся стереотипов, порождая нетрадиционную интерпретацию добра. В этой альтернативности суть и протестного смысла личности, и либеральной идеи в России, и либерализма русских писателей.

Правомерно ли, однако, связывать смысл личности с либеральной идеей? Вопрос этот мне приходилось слышать не раз, и он имеет право на существование. Российское общественное мнение после неудачи либеральных реформ 1990-х годов пропитано антилиберальными настроениями. Учитывая это, многие мои коллеги избегают связывать смыслы личности и либеральной идеи. Для меня же эта связь бесконечно ценна, так как я вижу в ней единственно возможный стратегический вектор развития России. И я не считаю нужным утаивать свои убеждения.

LIBERALIS (лат.) — свобода. Личность я вслед за Пушкиным и Лермонтовым, Чеховым и Булгаковым понимаю как способность человека к *LIBERALIS*, т.е. к независимости от всех исторически сложившихся в России социальных ролей и смыслов. *LIBERALIS* — это и есть суть той идеи, которую я называю либеральной и основанием которой является самодостаточная ценность свободы человека во всех сферах жизни общества. Устанавливая идентичность между *LIBERALIS* — свободой и *LIBERALIS* — либеральной идеей, я опираюсь на смысл личности как на основание этой идеи.

В своей книге я пишу о либерализме русских писателей. Адресуя ее читателям, я отдаю себе отчет в том, что у них хорошая память и что либерализм в путинской России — ругательное слово и символ Мирового Зла. И тем не менее я исхожу из того, что идея *LIBERALIS* не чужда русской культуре. В школах и вузах мы продолжаем говорить об общечеловеческой ценности либеральной идеи — о греке Сократе и римских стоиках, о философах XVII века Декарте, Милтоне и Спинозе, о церковной Реформации в Европе, о буржуазных революциях в Англии и Франции в XVII–XVIII столетиях, о таких мыслителях, как Юм, Кант, Т. Джефферсон, Б. Франклин, Монтескье, Кондорсе. И еще об американской Декларации независимости (1776), французской Декларации прав человека и гражданина (1789), Всеобщей декларации прав человека (1948), о современных идеях самоорганизации личности и саморегулирования экономики. Но, много говоря о мировом опыте, мы почти ничего не говорим о собственном опыте России.

Да, российский опыт очень мал. Он ограничивается двумя эпизодами в истории страны в 1917 и 1991 годах, когда идея *LIBERALIS* на короткое время победила в борьбе с соборностью и авторитарностью. Но были ведь еще и русские писатели — ее певцы. Были и есть. Причем особую ценность для меня

представляет то, что смысл LIBERALIS входит через них в русскую культуру как еретик и диссидент. И несмотря на гонения, гибельные дуэли, расстрелы, замалчивания и извращения, смысл личности и либеральной идеи вот уже двести лет устойчиво держится в русской литературе.

* * *

Это неправда, что русская литература сегодня перестала быть больше чем литературой. В условиях, когда демократические институты слабо развиты, голос человека еле слышен, чиновник хозяйничает в стране как завоеватель, СМИ в основном состоят на службе у официоза, а политика подменяется политиканством, — в этих условиях русская художественная литература по-прежнему выполняет особую миссию.

Писатель, поэт, драматург, сценарист пишет не просто художественный текст. Он анализирует культуру. Прежде всего себя. Свой способ принимать решения. Ему надо понять, кто он, зачем родился, как живет, постичь людей, добро/зло и красоту/уродство. Анализируя свой менталитет, свое видение своего менталитета, свои и чужие тексты, он расчленяет и обобщает культурные смыслы, давая оценки прошлому, настоящему и будущему мира. Писать для него — прав Сартр — значит «определенным образом желать свободы». И в каждом своем произведении, притрагиваясь к идее свободы как к пламени, он ожогами проверяет свою способность быть певцом этого желания.

Зачем ему это? Это его способ жить. Так же как плыть — это способ рыбы жить.

Опыт писателя бесценен. Большой писатель не ангажирован ничем. Не связан ни должностью, ни зарплатой, ни членством в политической партии, ни церковью, ни семьей, ни популярностью. Все это у него может быть, но может и не быть. Много ли ему надо? В общепринятом понимании — не очень. Но его духу надо много. Поэтому он далеко впереди профессиональных аналитиков реальности — ученых, идеологов, политиков. В анализе культуры он мужественнее и опытнее их. Глубже и бескомпромисснее. Соглашаясь на самое страшное — что его не услышат, не заметят, не поймут, а крест, костер, лагерь, ссылку, смертную дуэль воспринимая как награду, писатель в одиночку противостоит массовому сознанию, архаике народа, лицемерию власти, лжи интеллигенции. Он ставит неудобные вопросы, вбрасывает в исторически сложившуюся культуру ересь, диссидентски взрывает устоявшиеся стереотипы, тянется к мерцающим в темноте сознания неведомым смыслам.

Русская культура в основном эмоциональная культура. Поэтому и анклавы либерализма формируются в ней прежде всего в литературных формах, в развитии художественного видения, в искусстве. «Кавказский пленник», «Каменный гость», «Герой нашего времени», «Демон», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «Тихий Дон», «Священная книга оборотня», «Кысь» не

просто литературные шедевры. Это попытки умных и мужественных людей прорваться к смыслу личности.

В названии моей книги о русских писателях их либерализм назван «неполитическим». Что это такое?

Предпочесть инновацию традиции, самокритику самообожанию, новое представление о добре старому, увидеть себя личностью и с высоты своего видения сказать «не знаю», когда все вокруг знают, — неполитический либерализм. Противопоставить попытку еретического мышления властной догме, предпочесть крест, костер, лесоповал, трагедию эмиграции сытой жизни у хозяйской кормушки — неполитический либерализм. История последних веков в русской культуре — это история поиска в России личности и, следовательно, борьбы неполитического либерализма за выживание. За утверждение себя в качестве альтернативной культурной нормы, без чего либерализм политический обречен оставаться культурно беспочвенным.

* * *

В этой книге я решаю, казалось бы, обычную для гуманитарных наук задачу — представляю некоторых русских писателей как аналитиков русской культуры. Но эту задачу я решаю, используя методологию *социокультурного анализа*, которая ранее ни в российском литературоведении, ни в философствовании по поводу литературы не применялась. И эта методология делает мою задачу необычной. Я анализирую не весь исторический опыт русской литературы, а лишь тот, который, как мне кажется, внес существенный вклад в развитие неполитического либерализма в России.

Отбирая художественные тексты для изучения, я ишу «своего» писателя. «Мой» писатель опирается, с моей точки зрения, на те же ценности, что и я, и занимается тем же, чем и я, — ищет способы критики архаики народной культуры и одновременно способы поиска личностной альтернативы этой архаике. В результате произведение исследуемого мною автора становится в моем мозгу как бы результатом нашего *совместного с ним* усилия, а мой комментарий к этому произведению — *как бы совместным с ним* трудом.

Этот прием вызывает у многих филологов и историков культуры возражения. Особенно в связи с тем, что я, исследуя идейное содержание художественных образов, ишу степень близости между моими представлениями о человеке и представлениями исследуемого автора. А уж если я говорю, что мой комментарий к какому-то произведению и само это произведение построены на общей у меня с автором приверженности принципу свободы личности и что на этом основании их можно рассматривать как проявления неполитического либерализма в России, у моих оппонентов порой просто сводит скулы от негодования.

Кроме того, они стоят на том, что наука — вне политики и вне идеологии, она стерильна и непорочна, потому что она — наука. Нельзя, мол, идеологи-

зирать мысль автора. Идеологизировать действительно нельзя, если в авторской мысли нет идеологического момента. Но если автор защищает право личности самой определять смысл своей жизни и ставит под сомнение либо отвергает сложившуюся мораль, то я обязан этот протест увидеть как идеологию автора и донести до читателя через свою идеологизацию. Принимая во внимание, что мир идей русских писателей хорошо уважен комментаторами от религиозности, народничества, революционаризма, партийности и наукообразности, я считаю, что делаю хорошее дело, когда расчищаю эти авгиевы конюшни.

Но все же главное, чего не могут принять оппоненты, касается того, что я называю «как бы совместным трудом» исследуемого мною писателя и моим. Принципиальным противником этой методологии был и А. С. Ахизер, которого я считаю своим учителем. Как это — «Давыдов и Лермонтов», «Давыдов и Пушкин»? Такая «совместность» не воспринимается ни рационально, ни эмоционально. Оппоненты отказываются понимать, что если Лермонтов говорит Богу: «Ты виновен!» — значит и я встаю рядом с Лермонтовым и тоже говорю Богу: «Ты виновен!» А если я не могу стать соавтором этого крамольного вызова, если у меня не хватает мужества вместе с поэтом произнести эти слова на всю Россию, если не способен я воспроизвести лермонтовскую тональность и после этих слов поставить восклицательный знак, значит... значит не могу я комментировать творчество Лермонтова! Я точно знаю, что не получится. А чтобы получилось, я должен с радостью влезть в шкуру «своего» автора, стать «соавтором» его мыслей. И... создать «как бы совместное».

Именно это «совместное» в форме «как бы», если оно получилось и читатель его принял, и становится для меня самым ценным в моем комментарии. Потому что оно — знак того, что не прервалась связь времен, что поиск русским человеком в себе личности, его жажда свободы, желание жить достойно, т.е. то, что я называю неполитическим либерализмом, — это не моя и не, например, пушкинская выдумка, а то, что объективно находится в русской почве, питает мою с Пушкиным почвенную мысль и формирует мою с ним потребность мыслить почвенно и либерально. Если бы это было не так, не выбрал бы я Пушкина для своего анализа, а читатель не принял бы моего комментария.

* * *

Из писателей XIX века я отобрал для анализа творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя. В главе о Лермонтове я сопоставляю лермонтовское мышление с мышлением других русских писателей — Пушкина, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Булгакова. Из ныне действующих писателей я анализирую творчество Виктора Ерофеева, Виктора Пелевина и Владимира Маканина. Я мог бы существенно расширить мой список авторов и XIX, и XX, и XXI столетий. Но формат книги не позволяет.

Какие задачи я перед собой ставлю?

Прежде всего, пытаюсь понять, как писатель осмысливает человеческую реальность. Но представляю его мышление как мир не столько эмоций, сколько *ratio*, как рациональную систему, выражаемую любыми средствами, в том числе и эмоциональными. Эту систему писатель может нести в себе осознанно или неосознанно, целостно или элементами, в развернутом или свернутом виде, на уровне доказательств или догадок. Но он обязательно ее имеет, иначе не было бы у него ценностных предпочтений в анализе человеческого в человеке.

Кроме того, я исхожу из того, что культура — это всегда переход. Переход от одного состояния к другому, будь то модернизация или архаизация. Он может быть мощным и быстрым, а может — слабым и вялым, почти незаметным. Но он всегда есть. Такому переходу неизбежно сопутствует раздвоение между ценностями старого и нового, и он всегда цикличен. Моя задача — увидеть этот процесс в художественном тексте и объяснить его как способ человека жить в специфических условиях конкретной культуры в конкретную эпоху. Так я превращаю факт литературы в факт культуры.

Переход, о котором идет речь, может быть двояким.

Один тип перехода — творческий. Человек на краю между жизнью и смертью победоносно, но ценою жизни ищет новые смыслы. Пушкинские Черкешенка, Татьяна, Моцарт, Дон Гуан и Дона Анна, Тазит, Поэт, Пророк, лермонтовские Поэт, Демон, гончаровский Штольц, тургеневские женщины, булгаковские Мастер и Маргарита, шолоховский Григорий Мелехов, доктор Живаго Пастернака, Лиса А Хули Пелевина, Бенедикт Татьяны Толстой... Этот тип перехода принадлежит формирующейся личности.

Другой тип перехода несет серое творчество. Человек застрял в своем поиске и как субъект культуры захиревает, умирает. Так застряли и заживо умирают «инвалид в любви», «пародия» на человека Пушкина, «нравственные калеки» Лермонтова, «мертвые души» Гоголя, «уроды» Гончарова, «гамлетики» Тургенева, вишневосадские персонажи Чехова, выносящие приговор исторически сложившейся русскости как уходящему культурному типу. Таковы же «шариковы» Булгакова, «озверевший народ» — красные и «озверевший народ» — белые Шолохова и Пастернака, самозабвенно истребляющие себя в поиске абсолютной истины. Таковы «навозошаропроизводители» и «навозошаротолкатели» Пелевина, таков «слипшийся ком» Ерофеева... Одни гибнут, придя к пониманию своей исторической обреченности. Другие — пройдя предварительно через фанатичный поиск «абсолютной» альтернативы, которая якобы решает все проблемы, ведя в «светлое будущее».

Именно этот тип перехода и свойствен исторически сложившейся русской культуре. Отсюда дилемма для России. Либо риск социальной динамики, требующей изменения себя и ведущей к развитию, риск веры, любви, творчества,

риск рационального образа жизни. Либо патологичная неспособность измениться, активизация мифологического мышления, идиотизм топтания на месте, неизбежно ведущего к умиранию. Россия меняющаяся либо Россия застрявшая — третьего не дано.

* * *

Методология, которую я применяю, не первая в своем роде. В истории России были две попытки создания методологии социокультурного анализа — обе, на мой взгляд, неудачные. Интерпретаторы российской реальности пытались анализировать человека, опираясь на смыслы то Бога, то народа как на культурные основания. А смысла личности как альтернативы «Богу» и «народу» они не знали. Либо, зная, не поднимали его значимость на уровень нового основания русской культуры. Таким образом, в российском менталитете конкурируют, сложно переплетаясь, три основания и, следовательно, три методологии анализа человеческой реальности: религиозная и народническая, исторически сформировавшиеся в русской культуре, и оппонирующая им личностная, русской культурой отторгаемая.

Основанием (смыслом всеобщего) в религиозной методологии является ценность Бога. Личность в этом подходе имеет смысл, лишь если служит сакрализуемой *авторитарной* державности. Родовое содержание этого типа всеобщего унаследован из славяно-тюркского родового космоса. Его христианская версия — из Ветхого Завета Библии. Этот тип взаимопроникновения идей личности и державности прослеживается в творчестве русских религиозных философов — А. Хомякова, П. Чаадаева, братьев Киреевских, В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка, Н. Трубецкого, В. Иванова, П. Флоренского, Д. Андреева, А. Меня, многих других, в чем-то у Ф. Достоевского и Л. Толстого. Религиозная философия, несмотря на ее частные демократические достижения, пытается гуманизировать авторитарную идею, предъявляющую спрос на соборность.

Основанием народнической методологии является ценность народа как абсолюта. Личность для этой методологии имеет смысл, лишь если служит *соборной* державности, идея которой взята из того же славяно-тюркского родового космоса. Ее христианская версия — из Ветхого Завета. Идеологами этого подхода стали поздний В. Белинский, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский, Н. Михайловский, Д. Писарев, Н. Шелгунов, Г. Плеханов, В. Ленин, М. Горький, «пролетарские писатели»... Этот подход, начавшись как личностный, плавно перешел в народно-революционный, большевистский и выдвинул лозунги «Литературу — народу!», «Искусство — народу!». Народнический подход стал составной частью советского партийного строительства. В нем была предпринята попытка гуманизировать соборную идею, предъявляющую спрос на авторитарность.

Я не хочу сказать, что авторитарное и соборное направления в анализе человеческой реальности были бесплодными для русской культуры. Но их возможности оказались ограничены теми тотемными основаниями, на которые они опирались и продолжают опираться. Кроме того, они оказались неспособными преодолеть внутренние противоречия, которые сами в себе порождают: провозглашая верховную ценность личности, они подчиняют ее еще более верховным ценностям — ветхозаветным смыслам Бога (вождя) и народа («глас народа — глас божий», «народ всегда прав»). Эти два направления взаимопроникают, порождая циклическую историческую динамику и подавляя личностное начало в русском человеке, в литературе, искусстве, науке. Жизнь оказалась сложнее, чем представляли и представляют себе авторы этих теорий. Соборно-авторитарная методология анализа культуры не выдержала проверку временем и все более уходит на периферию общественного интереса.

Однако мощный творческий и полемический всплеск начала XIX века породил не только русскую религиозную философию и народнический анализ культуры. Начиная с Пушкина и Лермонтова сложилась личностная (personal) и, следовательно, антиродовая, антиветхозаветная методология в анализе человека, которая несла в себе античные, новозаветно-гуманистические, личностные смыслы. Человеческое в человеке стало осмысливаться через LIBERALIS. Начали формироваться элементы социокультурного анализа, которые я и пытаюсь обобщить в данной книге.

За два века своего существования социокультурный анализ человеческой реальности не стал в России господствующим. Но и не погиб. Он делает огромной важности дело: формируя в ценностном мире русского человека личностную альтернативу культурной архаике, он стимулирует в нем либеральную «культурную революцию».

Личностная рефлексия художественного творчества, осмысляемая через методологию социокультурного анализа, воплощается сегодня в работе поэтов, писателей, режиссеров, сценаристов, в деятельности театров, радио, ТВ, кино. Эта рефлексия либеральна по своему ценностному содержанию. Но она не борется за политическую власть. У этой рефлексии не политическая, а культурная миссия: держа идеологический фронт против своего главного противника — «мертворожденных» родовых ценностей русской культуры, она борется за души людей, подвигая русского человека к либеральному ценностному выбору.

Часть I. Писатели XIX века: Пушкин, Лермонтов, Гоголь

ГЛАВА I ПУШКИН И СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

С творчества Пушкина в России началась не только новая литература, с Пушкина началась новая культурная эпоха. Поэт привнес в русскую культуру новые ценности, новое видение мира, новую логику мышления, новую культурную реальность. В пушкинском творчестве впервые в русской культуре появилось представление о личности. И — ценности личности оказались настолько жизнеспособными, что выжили, несмотря на отторгавшую их специфику России, и продолжают преобразовывать отечественную культуру по своему образу и подобию. Поэтому трудно сказать, *что* именно мы изучаем, когда исследуем Пушкина как социокультурное явление, — Пушкина или Россию.

Пушкина и Россию связывают многие узы разного, порой противоположного значения. Задача исследования — увидеть, что соединило Пушкина и Россию, в чем бессмертное содержание этого союза, какое значение имеет пушкинская рефлексия для развития страны. Попытки исследования такого рода уже имели место в пушкинистике. Отличие данной работы в том, что она опирается на методологию, которая сложилась в России в конце XX — начале XXI века, на современном этапе развития науки.

В центре исследования проблема, которую я назвал поиском середины, становлением срединной культуры в России¹.

Элементы этой культуры возникли в России давно, но существенно проявили себя начиная с реформ Петра I. Срединная культура, как и всякая другая, складывается тогда, когда начинает осознавать свою значимость в воспроиз-

¹ Середина, поиск середины, медиация (*лат.* media — середина). В мышлении оппозициями поиск середины, медиация — это выход субъекта за рамки притяжения исторически сложившихся властных соборно-авторитарных полюсов-тотемов в межполюсное смыслоформирующее пространство и поиск адекватной меры выхода. Медиации противостоит инверсия как слияние с полюсами, мышление крайностями. Медиация — это всегда поиск нового, третьего, альтернативного смысла и переход к тернарному мышлению, в котором третий смысл является новым основанием. Срединная культура — результат медиации. Основанием и медиации, и срединной культуры является личность. Более подробно о понятиях «медиация», «инверсия», «срединная культура» см.: *Давыдов А.П.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2008.

водственном процессе, рефлексировать по поводу своей способности к рефлексии. Поэтому в России срединная культура получила значительное развитие, когда в обществе возник спрос на такие средства общения и рефлексии, как литературный язык и художественная литература.

Середина в России образовала сферы медиации в очень разных областях, таких как нравственность профессионализма, вера, любовь, творчество, рациональность, смысл личности. Но эти сферы возникли не по воле случая. Они повторили ренессансно-реформационную логику развития медиации на Западе.

Пушкин первым в русской культуре поставил проблему формирования личности как поиск принципиально нового для России культурного основания. Пушкинская личностная логика в России за двести лет своего существования не победила — слишком велика толща культурной архаики, но и не погибла. Мы — те, для кого смысл личности не пустой звук, — живем в культурную эпоху Пушкина.

Логика пушкинского мышления — в способности развивать способность отпадать от абсолютизации любого сложившегося стереотипа. Она в том, чтобы находить оппозиции в культуре, устремляться к их полюсам, отталкиваться от одного из них к противоположному, но не принимать противоположность как абсолют и в сфере между ними образовывать новые смыслы, формируя тем самым новый субъект культуры — способность поэзии-рефлексии к повышению уровня своей медиации.

I. ЛОГИКА СЕРЕДИНЫ В ПОЭТИКЕ ПУШКИНА

Пушкинисты в основном единодушны: Пушкин избегал односторонности и, пытаясь охватить анализируемую реальность как можно шире и глубже, использовал антиномии (Б. Бурсов, Ю. Лотман), вводил в свой метод внутренние противоречия как взаимоисключающие смыслы (В. Глухов). Считается, что творчество Пушкина бинарно (А. Иезуитов), что Пушкин при описании предмета использовал прием «с одной стороны — с другой стороны» (В. Кулешов). Предполагают, что он описывал предмет противоречиво, понимая, что тот непознаваем, и не помышляя проникнуть в его тайну (В. Непомнящий).

Эти многочисленные суждения можно разделить на две группы в зависимости от отношения к проблеме снимаемости-неснимаемости противоречий. Если противоречия снимаемы, то мы имеем дело с попыткой исследования механизма пушкинской гармонии, понимаемой как динамика (Ю. Лотман). А если неснимаемы, т. е. являются антиномиями, то мы имеем дело либо с религиозностью, либо с народничеством, либо с иными формами догматизма, пытающимися опереться на любимую ценность.

В чем проблема?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru